

6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Юрий Сергеевич Степанов. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.
7. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 58–65.
8. Сучасний тлумачний словник української мови / [уклад. А. М. Яковлева, Т. М. Афонська]. – Харків : Торсінг Плюс, 2007 – 672 с.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка / Павел Яковлевич Черных. – М. : Издательство Русский язык, 1994. – 623 с.
10. Online etymology dictionary [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.etymonline.com/>

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНКИ

БУШЕВ А. Б.

Филиал ФГБОУ ВПО

“Санкт-Петербургский государственный
инженерно-экономический университет” в г. Твери

Дискурсные исследования, опирающиеся на лингвистический поворот в социально-гуманитарном знании, подчеркивают роль лингвистических методов для нелингвистических целей.

Использование языка в социальной жизни человека содержит определенный потенциал “естественной” конфликтности и предполагает ее юридизацию. Существует возможность реципиенту предполагать и отыскивать определенные цели и настаивать на ответственности за оскорбление, даже если автор ссылается на отсутствие инвективного смысла. Значимости внутренней формы – вещь условная. Активно исследуются аспекты клеветы и оскорблений, использования чистых слов-инвектив вне денотации, окказиональная юридизация инвективогенных слов, которая обладает пока явно недостаточно практической силой [2; 3].

Влияние физического мира на человека, как правило, осуществляется и почти всегда осознается человеком не непосредственно, а через воздействие со стороны “информационного мира”, который во все большей степени становится абсолютным, монопольным посредником между человеком и существующей помимо него реальностью. Человек эпохи информационной революции живет в физическом мире, но действует на основе предпосылок и представлений “информационного мира”, которые все более и более отдаляются от мира физического.

Логика и соображения здравого смысла уступают свое влияние эмоциям, причем в первую очередь эмоциям конструируемым и провоцируемым.

В исследовании языкового конструирования социальных представлений особенно нас привлекают два момента:

1) изучение **автоматизмов выражения** – клише, штампов, стандартов стиля и жанра;

2) сознательное “риторическое” переименовывание и формирование другого отношения (тоже массового, тоже стандартного), основные **языковые тактики дезинформации и пропаганды**. Сюда же – на более высоком уровне – риторическом – относятся стратегии управления корпоративным имиджем, согласованность паблик рилейшнз, опора на авторитеты, автоматизация и деавтоматизация в масс-медиа и имиджелогии.

В этой связи нами затрагивались вопросы языка масс-медиа: **стереотипий, высокой пафосной лексики, аксиологической лексики** (“*звери*”, “*недочеловеки*”, “*наймиты*”), **повторов** (“*terrorism*”), **эвфемизмов** (“*принять меры*”, “*peace enforcement operations*”, “*hostilities*”, “*anti-terrorist campaign*”, “*гуманитарное вмешательство*”, “*ограниченный контингент*”) и **перифраз** (“*колыбель революции*”). Это значимые риторические приемы в создании публицистического текста – и соответственно шаги по его декодированию, семантизации и распредмечиванию.

Сюда же относится **сложность дефинитивности терминов** (“*гуманитарная катастрофа*”, “*демократический режим*”), **конъюнктурность штампа** (“*мафия*”, “*сионисты*”, “*масоны*”, “*закулиса*”, “*коррупция*”), **банальность метафоризации** (“*государство-изгой*”, “*ось зла*”, “*светлые дали коммунизма*”).

Есть различные мнения насчет использования и роли метафоры в такого рода дискурсе. Мы склоняемся к точке зрения Г. Г. Почепцова, что в дискурсе публицистическом все средства выражения направлены в сторону автоматизации. В этом заключается его противоположность направлению поэтического дискурса – в сторону деавтоматизации [1]. Используется в газетном публицистическом дискурсе все то, что способствует стереотипии, таким образом, из метафор выбираются банальные метафоры. Если же речь ведем о художественной публицистике, то тут метафоризация богаче и выступает как средство создания смысла.

Аксиологическая лексика. Многое из вышеуказанного связано с **оценочностью в языке**. Исследования вербальных путей представления стереотипов смыкается с исследованиями интеллектуально-информационной и прагматической функции языка, исследованиями выражения в языке информации второго рода – проявлениями эмотивной, волонтативной, апеллятивной, контактно-устанавливающей и эстетической функций языка с выражением субъективного отношения говорящего к предмету высказывания, собеседнику и ситуации общения.

При этом лексикологи оперируют понятиями **значение и понятие** [1, с. 151]: “Под лексическим значением слова… понимается реализация понятия, эмоции или отношения средствами языковой системы. Поскольку в понятии отражается реальная действительность, значение слова соотнесено с внеязыковой реальностью, вместе с тем понятие не тождественно значению, поскольку последнее имеет лингвистическую природу, включает неконцептуальные компоненты: экспрессивные, эмоциональные и другие коннотации. Мы не только называем понятие (денотативное значение), но и “второй части сообщения, связанной с условиями и участниками общения, соответствует коннотация, куда входят эмоциональный, оценочный,

экспрессивный и стилистический компоненты значения” [1, с. 153]. Показательна в медийном дискурсе **семантическая иррадиация**: присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию.

Существенен **эмоциональный компонент значения**, узуальный или окказиональный. Слово выражает эмоцию или чувство, но не называет их. Это и не слово, эмоциональность которого зависит от ассоциаций и реакций, связанных с денотатом. При этом “эмоциональный компонент возникает на базе предметно-логического, но, раз возникнув, характеризуется тенденцией вытеснять предметно-логическое значение или значительно его модифицировать” [1, с. 154].

Оценочный компонент значения – выражение словом положительного или отрицательного суждения о том, что оно называет, т. е. одобрение или неодобрение. Оценочная лексика характерна для описания общественной жизни и политических событий и нередко использует разные виды переносных значений, в то время как прямые значения нейтральны.

Место оценочных коннотаций в разных функциональных стилях различно. Они часто встречаются в ораторской речи и совсем не приняты в научной или официально-деловой речи. Здесь оценка должна быть эксплицитно указана с помощью объективных показателей. Слово может обладать экспрессивным компонентом значения, если своей образностью или каким-нибудь другим способом подчеркивает, усиливает то, что называется в этом же слове или в других. Выделяется увеличительная (*all, ever, even, quite, really, absolutely, so*) и образная экспрессивность.

Стилистический компонент значения возникает, если слово типично для определенного функционального стиля или сферы речи, с которыми оно ассоциируется, даже будучи употреблено в нетипичных для него контекстах. Поэтому понятие “регистр” сочетает в себе ситуативные условия общения, устную и письменную форму и ролевую структуру коммуникации (субъязык).

Следует учитывать, что политический дискурс – это часто стиль информационный, функциональный стиль массовой коммуникации в газете – средство информации и средство убеждения. Газета рассчитана на массовую и притом очень неоднородную аудиторию. Такова экстралингвистическая социальная ситуация общения.

Отметим, что оценочность – характерное свойство общественно-политического дискурса в условиях разных политических режимов.

С автоматизацией сближаются представления о **словесном камуфляже цинизма в политическом дискурсе, процессах эвфемизации и перифразирования**, смысловых акцентах, активно затрагивающих публицистическую риторику. В самом деле, стара кантовская идея о том, что, глядя в лужу, один видит грязь, другой звезды, и каждый это свое явление и называет. Вот здесь и проявляется важность именования, особенно в дискурсе, затрагивающем политическую проблематику. “*Prisoners*”, “*captives*”, “*hostages*”, “*rebels*”, “*terrorists*”, “*bandits*” – эти слова применяются в отношении одних и тех же, но далеко не взаимозаменяемы. В самом деле, то, что военные называют “*law of armed conflict*” активисты прав человека

называют “international humanitarian law”. Вспомним замечательные эвфемизмы: “принять меры”, “чрезвычайный меры”, “elimination of unreliable elements”, “transfer of population”, “rectification of frontiers”, “pacification”, “гуманитарное вмешательство”, “ограниченный контингент”, “зачистка”, “контртеррористическая операция”. Многочисленны примеры эвфемизмов и недомолвок в военно–публицистическом дискурсе: “peace enforcement operation”, “peacekeeping effort”, “ethnic cleansing”, “prisoners”, “hostilities” и т. д.

Сложность дефинитивности терминов в политическом дискурсе показательна: “антитеррористическая операция”, “гуманитарная катастрофа”, “этнический геноцид”, “демократические институты”, “правовое государство”, “гражданское общество”, “квазидемократический режим”, “имитационная демократия”, “новое мышление”, “общечеловеческие ценности”, “санитарный кордон”, “мироустанавливающие операции”, “постконфликтное урегулирование”. В результате многочисленных пустых, лишенных смысла разговоров оказались дискредитированными, **девальвировались слова** религиозность, ислам, творец, разум, вера, религиозное мировоззрение, толерантность, духовность, благочестие. Это новое семантическое явление в сфере исследований лингвистики лжи, демагогии и пропаганды. Все идеологии сегодня – национальные, классовые и др. – апеллируют к демократическим ценностям, правам и свободам человека.

Показательны работы, демонстрирующие **относительность номинации в политическом дискурсе**. Это стало трюизмом. Изучаются ли исследователями либеральные взгляды, правые убеждения, демократические ценности, показательна относительность номинации в политическом дискурсе и групповой характер политической оценочности. В этом заключается смысловая неопределенность политической коммуникации. Говорят даже о феномене идеологической полисемии. Идеологические коннотации обусловлены антагонистичностью политического поля, характеризующейся семантической оппозицией политического дискурса “свой-чужой” или “друг-враг”. Заинтересованность участников в семантической неопределенности дает pragматические дивиденды. Так, например, все участники общественно-политического российского дискурса используют рыночную, патриотическую риторику. Сама суть публичности политической деятельности заключается в оказании воздействия и побуждения к действию. Поэтому происходит постоянное жонглирование терминами и аргументами. Смысловая неопределенность приглушает неблагоприятную информацию, замалчивает персональную ответственность. Исследование проблемы семантической расплывчатости проводилось нами и на других видах дискурсов.

Итак, семантика, толкование терминов оставляют возможность наполнения явления своими смыслами. Паролем может выступать одно слово-символ (*демократ, партократ, стагнация, перестройка, перезагрузка, олигарх*), лозунг (*Вся власть Советам, свободу народу Ирака*). Стереотипы представляют собой мощнейшее средство манипулирования сознанием отдельных индивидов, групп и масс в политике.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика английского языка / Ирина Владимировна Арнольд. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
2. Базылев В. Н. Общее языкознание / Владимир Николаевич Базылев. – М. : Гардарики, 2007. – 285 с.
3. Понятие чести и достоинства, оскорблений и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / [отв. ред. А. К. Симонов]. – М. : Права человека, 1997. – 128 с.

СПЕЦИФІКА ЕРОТИКИ ТІЛА ТА ЕРОТИЗАЦІЇ В ХУДОЖНІЙ ПРОЗІ В. ВУЛФ ТА Д. Г. ЛОУРЕНСА: СЕМАНТИКО-КОГНІТИВНИЙ АНАЛІЗ

ГАЛУЦЬКИХ І. А.

Запорізький національний університет

Дослідження художньої семантики тексту і образності як його емоційно-смислової домінанти проводяться в руслі різноманітних лінгвістичних парадигм, з-поміж яких особливо актуальним є їх когнітивний напрям [3; 5; 8; та ін.], який переводить вивчення художньої семантики в площину аналізу ментальних процесів і когнітивних процедур, що лежать в основі формування образів, а це дозволяє висвітлити способи відзеркалення в них знань про світ.

Охудожненню в ході утворення образності художнього тексту підлягає велика кількість різноманітних явищ навколошньої дійсності, з-поміж яких, зважаючи на очевидний антропологічний принцип сучасного світогляду, значуще місце посідає людина та її тілесність [див. огляд: 6].

При цьому, як відзначають дослідники, спостерігається істотне підвищення зацікавленості проблемами тілесного буття людини в літературі ХХ століття [12; 14; 19], а особливо – в літературі епохи модернізму [9; 11; 13; 17], тенденція до чого зберігається і впродовж періоду після II Світової війни [2; 20]. Як зазначає Л. Татару, тема тіла і тілесності у творах епохи модернізму отримала явне акцентування [17] у двох іпостасях: як “фізичне, соціальне, модерністськи осмислене тіло (маріонеткова структура), і як асоціальне модерністське тіло” [17, с. 73]. Помічають дослідники і цікавість модерністів до homo somaticos – “людини тілесної” [4], які, акцентують увагу не тільки на “тілі соціальному” і “тілі культурному”, а й на “тілі біологічному”, що зумовлюється філософією відчуження в основі ідей модернізму, яка виявляється в готовності людини визнати абсурдність свого існування, віддаленні її від суспільства та зануренні у власні індивідуальні переживання, часто фізіологічного і, зокрема, еротичного характеру. Експліцитна увага до людського “біологічного тіла”, його “соматики” та “потаємного еросу” в художніх творах письменників-модерністів досліджується в низці літературознавчих праць [9; 25], хоча поза увагою залишається вивчення специфіки образного відзеркалення еротики тіла та процесів еротизації в ході утворення образності, що надало б системності та завершеності отриманим